
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

Владимир Михайлович Сырых
*Главный научный сотрудник кафедры
теории права, государства и судебной власти
Российского государственного университета
правосудия (РГУП), доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ
E-mail: 2707xyz@mail.ru*

Личность исследователя: высокий профессионализм и активность гражданской позиции

Аннотация. *Актуальность статьи обусловлена значением профессионализма и гражданской позиции исследователя как необходимых качеств его успешной научной деятельности. Предметом анализа является суть и содержание названных и иных качеств российского ученого-правоведа. Методологической основой исследования выступают методы описания и объяснения. Цель статьи – обосновать положение о том, что подлинный ученый должен не только в совершенстве владеть методологией научных исследований, знать глубоко свой предмет исследований, но и быть гражданином своей страны и своего народа. Новизна исследования характеризуется системным изложением качеств, которыми должен обладать современный ученый-правовед.*

Ключевые слова: *ученый-правовед, профессиональные качества, гражданственность, моральные качества, истинность, сервиллизм, политическая нейтральность, правдивость, научная критика.*

Vladimir Mikhajlovich Syrykh
*Chief Scientist of the department of
Theory of Law, State and Judicial Power,
Russian State University of Justice,
Doctor of Legal sciences, Professor,
Honoured Lawyer of RF*

A Researcher's Personality: High Professionalism and Civic Stand Activity

Annotation. *The relevance of the present paper is served by the need to view the importance of a researcher's professionalism and his/her civic stand as the treats required for successful academic activities. The subject of the analysis is the essence and nature of a Russian legal scholar's mentioned (and non-mentioned) features. The research is based on descriptive and explanatory methods. The article*

is aimed to substantiate that a true scholar is not the one who perfectly knows methodology of academic research and a subject of investigation but its a person who is also a true citizen of his country and his nation. The newness of the work is due to the fact that the author systematically enumerates features required to be legal scholar nowadays.

Keywords: *legal scholar, professional qualities, civic stand, moral values, validity, servility, political neutrality, truthfulness, scientific criticism.*

Общеизвестным и бесспорным является представление о том, что исследователь, будучи животворящим началом действительного научного знания, не должен уподобляться золотому петушку из известной сказки А. С. Пушкина и сводить свои функции только к достоверной констатации фактов и закономерностей реально существующей действительности. Ученый, входящий в элиту общества, определяющую закономерный ход и пути социально-технического прогресса, обязан подавать населению пример активного действия по воплощению в быт новаций, способствующих укреплению таких социальных ценностей, как равенство, свобода, материальное благополучие, реальность всеобщих прав и свобод человека. Одновременно ученый не может уклоняться от действенной борьбы с порядками и проводящими их социальными слоями, способными причинить вред обществу, его интересам, окружающей природной среде, сохранности мира и благополучию народов. В этом случае общественные интересы должны превалировать над личными интересами ученого.

История бережно хранит имена мыслителей и ученых, во имя утверждения правды и справедливости пожертвовавших своим благополучием, а иногда — и жизнью. В частности, во имя раскрытия действительных основ буржуазного общества и поиска путей повышения материального благополучия трудящихся К. Маркс пренебрег практической деятельностью в сфере экономики, юриспруденции, которые могли бы обеспечить его лично и его семью материальными благами, как минимум, на уровне среднего буржуа. Потомственный дворянин А. Н. Радищев, прекрасно понимая негативные последствия, подготовил и на свои деньги опубликовал книгу, раскрывшую правду о бесправном положении и нищенском существовании крестьянства в период царствования Екатерины II. В. И. Ленин и значительная часть социал-демократов конца XIX — начала XX вв., решительно порвав со своей средой, гарантировавшей им материальное благополучие, перешли на путь нелегальной революционной борьбы с царским самодержавием, обосновали необходимость пролетарской революции в России и успешно провели ее.

Высокое чувство гражданственности, между тем, присуще далеко не всем представителям науки. Более того, такой жертвы от них не требуется кодексами (этосами) чести, составленными отдельными учеными, их коллективами, а также нормативными правовыми актами. Общеизвестный Этос науки Мертона, составленный в 40-х гг. прошлого столетия, ограничился лишь принципами, определяющими отношения между представителями науки (императивы универсализма, всеобщности, незаинтересованности и организованного скептицизма). В последующих актах подобного рода появляются предписания, возлагающие на ученых ответственность за исследования, причиняющие вред обществу и природе. В частности, в Рекомендации о статусе научных работников, принятой ЮНЕСКО в 1974 г., закрепляется принцип гуманности, заботы об

охране социальной и экологической среды, недопустимости научной разработки проектов, противоречащих совести ученого.

В то же время существует принцип политической нейтральности ученых по отношению к мерам, проводимым государством. Данный принцип Д. Юм обосновывал тем, что наука имеет только инструментальный смысл, а вопросы о целях и смысле человеческих действий следует относить к совершенно другим областям — религии, философии, этике и т. п. Скорее всего, мыслитель прав лишь отчасти. Ученому не следует участвовать в проведении или поддержке авторитарных или, что еще хуже, террористических, фашистских мер государства, влекущих за собой нарушения всеобщих прав человека, ухудшение материального положения той или иной части общества, коррупцию государственного аппарата, нарушения экологических стандартов, приводящих к катастрофическим последствиям, и другие социально опасные явления. Ученый не должен, во-первых, принимать участие в разработке мер, наносящих вред обществу, природе, правопорядку; во-вторых, способствовать проведению этих мер в качестве государственного служащего или должностного лица; в-третьих, участвовать в любых формах публичной поддержки и прославления антинародной, антисоциальной политики государства. В то же время, будучи достойным представителем общества, ученый обязан вмешиваться в дела государства в целях противостояния его противоправным, субъективным мерам и стойкой защиты прав общества и его отдельных членов. Нейтралитет ученых в деле борьбы за социальный прогресс, реальное действие прав личности и дальнейшее расширение системы этих прав — деяние столь же недостойное, как и содействие антиправовой деятельности государства. Как гражданин своей страны и верный сын своего народа ученый не может стоять в стороне от борьбы общества за права, свободы и благополучие людей. Его борьба может проводиться, преимущественно, в составе институтов и учреждений, без вхождения во властные структуры общества, за исключением представительных законодательных органов государства, формируемых непосредственно обществом в целях проведения законодательной политики в его интересах.

Негативные последствия непосредственного участия ученых в антиправовой политике государства наиболее ярко иллюстрирует история советского государства. В терроре, проведенном сталинским режимом в 30–50-х гг. прошлого столетия, в первую очередь, повинны его идеологи и проводники — Н. В. Крыленко, а затем А. Я. Вышинский. В частности, Н. В. Крыленко утвердил И. В. Сталина в мысли о необходимости реанимировать методы красного террора в отношении бывших имущих классов и иных социально опасных элементов, тогда как А. Я. Вышинский в целях оправдания сталинской карательной политики свел марксистскую теорию права к юридическому позитивизму, признав И. В. Сталина «величайшим марксистом, величайшим ленинцем, гениальным продолжателем творческого марксизма», который «дает образцы марксистско-ленинской методологии в вопросах права», «научил советских юристов марксистскому, диалектическому отношению к юридическим категориям, помог советской правовой науке преодолеть пережитки и предрассудки буржуазно-филистерской юриспруденции» [1, с. 211, 236, 241].

Советские правоведы менее высокого ранга полностью погрязли в сервиллизме, дружно вторили своим приближенным к власти идеологам, на все лады восхваляя мудрость и успешность сталинской правовой политики, которая,

в действительности, была не просто правонарушительной, но и преступной. Подобная социально опасная хроническая болезнь советских правоведов, порожденная И. В. Сталиным, считавшим политическую оппозицию «кучкой оторвавшихся от жизни... интеллигентов» [2, с. 254], не изжита в полной мере по настоящее время.

До сих пор не дана справедливая оценка государственному перевороту, выразившемуся в принятии на уровне Политбюро ЦК ВКП(б) и Наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежова ряда нормативных правовых актов по вопросам организации и проведения террора, регламентацию которых согласно Конституции СССР был правомочен осуществить только законодатель – Верховный Совет СССР. Руководствуясь нелегалезованными и, соответственно, лишенными юридической силы нормами, «славные» органы за полтора года «ежовщины» репрессировали более 1,5 млн человек, из которых более 681 692 были расстреляны. Подобный самый преступный, повлекший миллионные человеческие жертвы акт сталинской правовой политики советские правоведы не удосужились не только исследовать самым обстоятельным образом, предать суду общественности, но и даже обозначить эту проблему в печати.

Не лучшим образом обстояло дело с принципиальными оценками правовой политики КПСС и государства советскими учеными-юристами второй половины XX в. Субъективные решения съездов и пленумов партии признавались истиной в последней инстанции, применительно к партийным решениям и в развитие их советские правоведы готовили свои научные труды. Практически все они начались стандартно, с упоминания того или иного тезиса из решений партии или высказываний ее лидера как научно обоснованного положения, следуя которому только и можно было открыть истину в науке, в развитии права согласно грандиозным планам партии и государства по построению коммунистического общества. Однако события конца 80-х и начала 90-х гг. прошлого столетия убедительно показали полную порочность такого пути развития правовой науки. В то время как правоведы упивались прославлением побед партии и государства, взывали народ верить и следовать их курсу, в обществе происходили иные центробежные процессы, которые в конечном итоге привели к развалу Советского Союза. В подобном финале можно сколько угодно винить М. С. Горбачева и его окружение, тем не менее значительная часть вины лежит и на советских юристах, сменивших свою действительную ипостась знатоков путей развития права на роль «запевал и подпевал» советского режима.

Позитивные оценки советского права и государства одновременно изменились с восстановлением в России рыночных отношений. Ведущие идеологи правоведения (С. С. Алексеев, В. С. Нерсисянц, А. Б. Венгеров, А. А. Собчак, Т. В. Кашанина и др.) мгновенно поменяли свои «марксистские» взгляды на «рыночные» и в славном прошлом Советского государства нашли лишь «лагерную пыль», авторитаризм, отсутствие личной свободы и частной собственности, признанной ими за всеобщую основу материального и духовного благополучия всех и каждого.

Современные российские правоведы жале своей критики охотно направляют в сторону «ужасов» советского права и за версту обходят недостатки действующего права. Характерно, что и критика ведется теми же методами, которыми советские юристы славили правовые феномены социалистической

действительности: делаются те же абстрактные выводы, приводятся бездоказательные положения и огульные обвинения. Между тем развитие реальной российской действительности идет вопреки обещаниям пришедших к государственной власти рыночников-либералов, за период своего существования государственная власть не улучшила материального, социального положения населения России, а наоборот, постепенно, шаг за шагом утрачивает достижения советского народа — в части права граждан на труд, на социальное обеспечение по возрасту, охрану труда, бесплатное общее и профессиональное образование, медицинскую помощь, жилище и др.

Российские правоведа пока что не горят желанием проводить социально-правовые исследования действующего законодательства в целях выявления малоэффективных решений современного законодателя, а также объективный анализ истории советского права. Гораздо представительнее выглядит когорта авторов, готовых, вопреки реальному положению дел и многим недостаткам правовой сферы прославлять действующие правовые порядки и мудрость законодателя. В результате правовая наука оказывается неспособной надлежащим образом осуществлять свое лидирующее положение в системе общественных наук.

Лишенные социальной базы исследования превратились в пространные обзоры действующего законодательства либо имеющихся в юридической литературе «точек зрения», из которых затем делаются некоторые умозрительные вводы, якобы логически вытекающие из материалов обзора, а потому в специальном аргументировании и объяснении не нуждающиеся. Как уже говорилось, ничего нового правовой науке не дают и не могут дать призывы российских теоретиков права освоить методологию западноевропейского правоведения, основанную на применении методов субъективного идеализма (герменевтики, синергетики, феноменологии права), ориентированных на изучение текстов юридических публикаций без обращения к непосредственной правовой действительности. Мол, все элементы права «есть продукты языка, непосредственно связаны с ним», а посему реальное право следует рассматривать как лингвopsихологический феномен, исследование языковой природы которого составляет первоочередную задачу правовой науки [3, с. 120].

Таким образом, российские правоведа, стойко стоящие на позициях доктрины юридического позитивизма и довольствующиеся его догматическим, формально-логическим методом, не могут подняться выше эмпирического анализа действующих законов и практики их применения. Соответственно, они оказываются не способными надлежаще исполнить первостепенную обязанность правовой науки, обеспечить практику научно обоснованными рекомендациями путей дальнейшего развития права согласно действующим закономерностям и конкретно-историческим условиям. Правовая наука выступает по преимуществу апологетом субъективных решений законодателя.

Такие негативные явления, как устойчивый сервиллизм советских и российских правоведа, неспособность разработать теорию права с сугубо материалистических позиций и с применением метода материалистической диалектики, свою принадлежность к которым они гордо признавали на протяжении всей истории советской правовой науки, возникли не на пустом месте. Одной из ведущих причин, породивших и в течение длительного времени сохраняющих их, является низкая правовая культура российских исследователей, лишенных

таких ведущих моральных принципов науки, как истинность, нестяжательство, личная свобода и независимость от властных институтов.

Характерно, что названные принципы были изложены еще А. С. Пушкиным в стихотворении «Песнь о вещем Олеге». Олег обращается к кудеснику с просьбой предсказать судьбу: «Открой мне всю тайну, не бойся меня. В награду возьмешь ты любого коня». На что кудесник с достоинством ответил: «Волхвы не боятся могучих владык, и княжеский дар им не нужен. Правдив и свободен их вещий язык и с волей небесной дружен». Итак, кудесник, который дружен с волей небесной и способен точно предсказать будущее, должен быть одновременно правдивым, свободным, напроочь лишенным меркантильных интересов.

Во-первых, человек, обладающий таким даром, как дружба с небесной волей, не может грешить перед истиной и тем самым искажать небесную волю в угоду воле земного владыки. Во-вторых, необходимым условием реализации права говорить правду является свобода говорящего. Зависимый от воли земного лица человек не способен говорить правду, чаще всего он вынужден говорить то, что ожидает услышать от него его хозяин, скрывая многие неприятные для последнего факты и оценки, мнения. В-третьих, кудесник не может быть рабом вещей (отказывается принять дорогой дар князя). Человек, располагающий значительными материальными благами, не может сохранить личную свободу. Страх потерять накопленное, а еще больше — желание приумножить имеющееся заставляют человека искать себе надежного защитника в лице могучего владыки, служить ему и в «сложных» ситуациях быть лживым, бесчестным, завистливым.

В стихотворении «Пророк» А. С. Пушкин формулирует четвертый моральный принцип ученого — несение правды в народ.

И бога глас ко мне воззвал:

“Встань, пророк, и виждь, и внемли,

Исполнись волею моей

И, обходя моря и земли,

Глаголом жги сердца людей”.

Морально-этические принципы, сформулированные А. С. Пушкиным, не утратили своей актуальности по сей день. Современному российскому правове-ду надлежит, прежде всего, свято соблюдать первую заповедь — быть честным и правдивым. Исследователь, добровольно взявший на себя такую важнейшую социальную функцию, как воспроизводство истинного знания о закономерностях становления и развития государства и права, информирование общества о состоянии действующего законодательства, его способности обеспечивать достижение социально значимых позитивных результатов, не имеет ни морального, ни профессионального права на ложь и выводы, которые могут быть приятны лицам, власть придержащим, но не имеют никакого отношения к объективно-истинному знанию.

Обязанность ученого говорить правду, невзирая на лица, была осознана еще на самых ранних этапах становления науки. Вспомним, например, изречение Аристотеля: «Платон мне друг, но истина дороже». Отход ученых-юристов от заповеди говорить правду может быть объяснен двумя причинами: либо авторы не способны генерировать объективно-истинные знания, либо сознательно искажают правду в угоду сиюминутной конъюнктуре.

Правовед, не способный отличить истину от лжи, дать объективный анализ политико-правовым реалиям, является ученым лишь в собственном воображении. В действительности же он не обладает надлежащими профессиональными навыками, является профессионально непригодным — так же как и врач, не умеющий поставить правильный диагноз больному. Соответственно и результаты научной деятельности профессионально непригодного правоведа представляют собой не что иное, как научный брак, приносящий вред обществу. Ориентируясь на предложения таких ученых, общество и государство не способны избрать оптимальный путь своего развития, впустую растрачивают материальные ресурсы и собственные силы, находятся постоянно на марше без какого-либо заметного продвижения вперед.

Еще большее социальное зло представляют собой правоведа, которые способны получать объективно-истинные знания, отличать эффективные меры правового регулирования от неэффективных, грубейшие нарушения законности от правомерных действий и, тем не менее, предпочитающие говорить заведомую ложь, оправдывать государственный произвол, возводя его в ранг социально полезных и объективно обоснованных действий. Чаще всего используются два метода лжи: 1) апология существующей государственной власти, всех ее непродуманных мероприятий; 2) огульная, предвзятая критика всего того, что противостоит этой власти, критическая оценка любых рациональных путей дальнейшего развития общества и государства, предлагаемых негосударственными властными институтами общества.

Правовед, успешно занимающийся лакировкой политико-правовой практики, неизменно делает себе карьеру. Такой автор может быть замечен и обласкан государством, материально обеспечен, много раз награжден и с большими почестями похоронен. Но есть еще суд истории, который неизбежно все и всех ставит на свои места, воздает каждому по его действительным заслугам. И на этом суде бывший юридический идеолог неизбежно низводится на уровень ординарного мошенника, продавшего свою совесть, знания и способности за высокий пост, незаслуженные чины и звания.

Вспомним хотя бы судьбу А. Я. Вышинского. При жизни он был юристом номер один страны Советов — доктор юридических наук, профессор, академик АН СССР. А каких только он постов не занимал: и прокурор СССР, и депутат СССР, и член конституционной комиссии, член редакционной комиссии по выработке окончательного текста Конституции ССР, и заместитель Председателя СНК СССР, заместитель Наркома иностранных дел, Министр иностранных дел, постоянный представитель СССР в ООН. Со всеми заданиями партии справлялся, а потому неоднократно был награжден самыми высокими государственными наградами и даже похоронен у Кремлевской стены. Но все это в прошлом, все забыто. После разоблачения культа личности Сталина в 50-х гг. прошлого столетия А. Я. Вышинский прочно укрепился в общественном сознании как «дубина Сталина», как высокопрофессиональный и столь же беспринципный специалист, готовый выполнить любой приказ тов. Сталина, доказать несуществующие преступления деятелей партии и советского государства, а также требовать их расстрела.

Но, как уже говорилось, хвалил советскую власть и партию не только Вышинский, лакировкой советской правовой надстройки занималась большая

часть советских ученых-юристов. Характерно, что их достаточно обширный контингент в 60–80-е гг. прошлого столетия не выдвинул ни одного мало-мальски заметного диссидента, профессионального критика основ советского строя, права и государства. Зато со сменой декораций, когда советский строй канул в Лету, российские правоведы по части критики советского государства и права дали сто очков вперед любому бывшему диссиденту.

Советско-российские правоведы «смело и принципиально» клеймят предмет своей прежней беззаветной любви и самозабвенно воспевают «свободу личности», «естественные права человека», а в частном праве видят источник и основную гарантию прогрессивного развития России. Оправдывая политико-правовой произвол государства, они неизбежно оказывают ему «медвежью» услугу, которая обществу и государству не дает ничего, кроме вреда. Если маститых правоведов уже поздно перевоспитывать, то начинающий соискатель научных степеней должен четко осознавать значение основного этического принципа науки – правдивости – для судеб страны, общества и самого соискателя.

Правовая наука не может быть лучше и талантливее развивающих ее ученых. Поэтому каждому, кто имеет честолюбивые планы в науке, следует быть не только способным, талантливым, но и, прежде всего, правдивым, не называть белое черным, если даже об этом вас очень просят и даже обещают «золотые горы и реки полные вина». Высокая гражданственная позиция автора – есть наивысшее благо, без стремления к которому он рискует впустую растратить свои профессиональные знания, способности на оправдание и культивирование зла, не оправдать надежд судьбы, даровавшей ему определенные способности и желающей видеть их надлежащее применение.

Нельзя без сожаления смотреть на молодых талантливых ученых, которые свой высокий творческий потенциал растрачивают на изучение заведомо бесперспективных «однодневок», идущих с Запада, типа постмодернистской теории права, отрицающей необходимость поиска достоверного знания и социальных основ права, самонадеянно обещающей успешно решить проблемы теории права исследованием языка текстов правовых источников. Не верится в неспособность российских адептов постмодернистских теорий узреть бросающуюся в глаза очевидность, что «король то голый», но что же тогда удерживает их веру в эти негодные в своих основаниях теории.

Не менее сложной предстает проблема уровня и критериев свободы и правдивости исследователей на уровне научных коллективов и органов управления научными организациями и образовательными учреждениями. Первой проблемой, с которой сталкивается каждый исследователь, является проблема личной оценки научной ценности и достоверности созданной им новизны, а также решительности в ее отстаивании перед будущими оппонентами. К сожалению, смелость в публичном представлении новизны не всегда присуща авторам, и не только юристам.

Неуверенность в том, что новизна является правильной, что она будет понята и оценена коллегами, постоянно сопровождала такого корифея физики, как Дирак. В возрасте 60 лет он утверждал, что при открытии своего уравнения испытывал сильное беспокойство по поводу того, будет оно правильным или нет. Спустя семь лет он высказал еще более пессимистический взгляд, полагая, что «рядом с надеждами часто идут страхи, и в научном исследовании страхи, чаще

всего, берут верх». «Я думаю, это общее правило, что тот, кому принадлежит новая идея — не самый подходящий человек для ее развития потому, что в нем слишком силен страх сделать что-то неправильное» [4, с. 93].

Однако страх плохой советник ученого. Он сдерживает творческий бег мысли автора, заставляет его подолгу хранить в своих запасниках положения, отвечающие всем требованиям научного знания, но выпадающие из существующей системы научного знания. В результате ученый рискует быть обойденным его коллегами либо искусственно лишиться науки новой плодотворной идеи. И то и другое не лучшим образом характеризует его. Например, Бор назвал одного из известных физиков прошлого столетия дураком на том основании, что тот долгое время не решался публиковать свои открытия. «Если ты убежден в своих идеях, уверял Бор, надо их публиковать, а не слушать то, что говорят по этому поводу другие» [4, с. 383].

Независимость и искренность нужны в общении с научным сообществом, своими коллегами. И здесь тоже возникает ряд проблем, решение которых в современных условиях не может быть однозначным. Особенно остро эти проблемы стоят в случаях, когда ученый уверен в том, что рецензируемая им работа подготовлена неудовлетворительно, не отвечает основным требованиям, предъявляемым научным работам, и эту оценку работы он должен дать публично, например, на заседании ученого или диссертационного совета. Сложность ситуации состоит в том, что подобная оценка является единственно возможной с точки зрения интересов науки, не терпящей никакой фальши, как в научных выводах, так и оценках их научности. Однако негативная оценка преобильно ударяет по автору работы, превращает труд его длительных, порой многолетних занятий в макулатуру, ставит преграду на пути к честолюбивым планам автора получить ученую степень, звание, быть причисленным к сонму известных, выдающихся ученых.

Не следует лицемерить и взхлеб хвалить автора и его работы, не заслуживающие положительных оценок, но не стоит и перебарщивать с критикой.

Во-первых, критические оценки следует давать принципиальным положениям работы, которые явно не соответствуют ведущим принципам науки (объективности, полноты, всесторонности, логики), не имеют надлежащей аргументации, новизны, а также содержат факты плагиата, иные факты научной недобросовестности. Одновременно нецелесообразно навязывать автору свою точку зрения по какому-либо дискуссионному вопросу науки, подвергать сомнению использованные автором устоявшиеся, расхожие положения науки. Во-вторых, все критические замечания должны быть аргументированы и обоснованы. Не следует давать оценку работы, не ознакомившись с нею. В-третьих, ни в коем случае не следует участвовать в разного рода кампаниях, организуемых «за» или «против» конкретного ученого.

Компанейщина, групповщина в научной среде — явления крайне негативные, поскольку они проводятся в целях, далеких от интересов науки, — травли автора, неугодного руководству учреждения или организации, маститому ученому, и основываются на сугубо предвзятых оценках, либо, наоборот, для воссоздания видимости большого научного вклада в науку специалистом, который написал ряд эмпирических, компилятивных работ. В ходе подобного рода кампаний происходит подмена объекта оценки, анализу подвергаются не работы, а

личность автора. Говорят: «Ну и что, что работы плохие, зато человек хороший» либо «Пусть и работы неплохие, но человек-то он — дрянь».

Ученый, отказавшийся от участия в предвзятой кампании, поступает достаточно мужественно, поскольку понимает, что отношение инициаторов кампании к нему может резко измениться не в лучшую сторону. Но подобная позиция является половинчатой. Действительная смелость и требование научной правды состоит в том, чтобы выступить в защиту, поддержку лица, вокруг имени которого пытаются сформировать несоответствующее его научным делам общественное мнение — позитивное либо негативное. На такой мужественный шаг, как свидетельствует история правовой науки, способен отважиться далеко не каждый.

Все же следует надеяться, что у нового поколения ученых-юристов XXI в. неукоснительное уважение и соблюдение морально-этических основ науки станет общим правилом, а не редким исключением отдельных, особо мужественных личностей. Только научное сообщество, организующее себя на высоких морально-этических принципах, способно стать действительно единой активно работающей корпорацией, в которой творческие способности каждого многократно усиливаются, преумножаются благодаря искреннему общению с другими, поддержке плодотворных новых начинаний и справедливой дружеской критике все того, что может увести ученого от магистральной дороги на второстепенные, а то и тупиковые пути.

В специфических формах проявляются истины в отношениях автора к критикам его работ. Нельзя обижаться на каждого, кто выразил сомнение в достоверности и обоснованности ваших мыслей и публикаций. От ошибок в научной деятельности никто не застрахован. Согласно одному авторитетному мнению, фундаментальные положения способны формулировать даже лица со средними способностями. Избежать же ошибок в мелочах, частных вопросах может только действительно талантливая личность. Поэтому справедливую критику следует принимать с благодарностью и, по возможности, в последующих работах исправлять допущенные ошибки.

Иным должно быть отношение к оппонентам, которые, как вы полагаете, неверно понимают и интерпретируют ваши мысли. Можно оставлять без внимания критику по частным, непринципиальным для вашей авторской позиции вопросам. По вопросам же, имеющим принципиальное значение, молчать не следует. Нужно решительно и последовательно отстаивать свою позицию, используя в этих целях все предусмотренные в науке формы — публикации, выступления на конференциях, заседаниях ученых советов, рецензии на работы своих оппонентов. Борьба за правду должна идти по всем правилам военного искусства, с применением как обороны, выражающейся в последовательном разъяснении сути своей новизны и в аргументированных ответах на вопросы, поставленные оппонентами. Не следует пренебрегать и атаками, раскрытием недостаточной обоснованности позиций и аргументов ваших оппонентов, их предвзятого, субъективного отношения. Тем не менее «войну» следует вести корректно, в рамках научной этики. В ходе «научной войны» все же не следует прибегать к запрещенным средствам, в том числе, приписывать оппоненту положения, которых у него в действительности нет, подменять полемику по дискутируемым вопросам негативными оценками личности оппонента, организовывать разного рода кампании против оппонентов. Убедительность и

справедливость аргументов являются наиболее действенным и разительным оружием борьбы с вашими оппонентами. Юридическая общественность успешно разберется в том, кто из участвующих в полемике ученых прав.

Современный ученый должен следовать и третьему завету волхвов — ценить свою дружбу с «волей небесной» и не растрачивать свои силы и способности впустую, на подготовку публикаций заведомо не в полной мере соответствующих критериям научного знания.

Во-первых, не искать облегченных путей в науке и, образно говоря, не допускать «халтуры», т. е. не работать «спустя рукава» и намного ниже своих способностей. В каждой работе, публикации автору следует выкладываться максимально — как в процессе поиска новых идей, их обоснования, так и при изложении достигнутых результатов, стремясь к четкости, простоте и ясности мысли. Недостаточная требовательность к себе и своим работам может войти в привычку, стать нормой вашего отношения к научной деятельности и тогда творческий потенциал, отпущенный «волей небесной» покинет вас. Вы так и не сможете достойно реализовать свои способности.

Во-вторых, не допускать фактов плагиата, использования работ других авторов, без ссылки на соответствующий источник, несмотря на то, что до недавнего времени подобный способ широко использовался при подготовке диссертаций и иных научных работ*. Как бы мысли другого автора не были привлекательны, их не следует присваивать себе, создавать видимость заслуг, которых вы как ученый своим трудом не достигли. Заслуживает внимания и поддержки практика подготовки диссертаций и монографий, содержащих самостоятельную главу, параграф, посвященный библиографическому обзору ведущих работ по теме исследования. Системное изложение основных достижений своих предшественников оказывает позитивное воздействие на последующий ход мыслей исследователя, позволяет ему выделить ведущие проблемы темы, достижения в их разработке и имеющиеся пробелы.

В-третьих, не участвовать в подготовке диссертационных и иных работ для других лиц. Сегодняшняя распространенная практика написания за плату диссертационных работ политикам, чиновникам является глубоко аморальной. Ученый, который за плату пишет другому лицу работу, нарушает «волю небесную» тем, что впустую растрачивает свои способности, а также создает условия для вовлечения в научное сообщество лиц, явно не способных к деятельности такого рода.

Существует мнение, что от получения незаслуженной степени никому «ни холодно, ни жарко». Незаслуженно остепененный все равно не станет ученым. Это так, но такой «ученый» и сам не станет участвовать в проведении научных исследований. Обладая соответствующими степенями и званиями и будучи человеком предприимчивым по натуре, он легко и свободно займет какой-либо руководящий пост в науке или образовании. И вот тогда его подчиненным станет одновременно и холодно, и жарко. Научное сообщество нуждается в талантливых руководителях не в меньшей степени, чем в талантливых исполнителях. И трудно ожидать надлежащего функционирования и развития правовой науки, если руководящие посты в научных организациях и учебных учреждениях

* По данным компании «Анти-Плагиат», десятая часть российских диссертаций, защищенных в России с 2000 по 2013 гг. по истории, оказались плагиатом. В 1,5 тыс. диссертаций содержится более 70 % заимствований из ранее защищенных диссертаций. (РИА «Новости». URL : www.ria.ru/science/20130516/937715643.html).

будут заняты остепененными, но мало что понимающими в науке аморальными личностями, для которых личный интерес и собственная персона составляют альфу и омегу их научной деятельности.

Изложенные и иные негативные факты в организации и проведении научных исследований одними призывами к их преодолению не устранишь. Нужны последовательные, целенаправленные действия государства с активным участием коллективов научных организаций и образовательных юридических учебных учреждений, научных сообществ страны по повышению качества научных исследований, а также воспитания у обучающихся по специальности «юриспруденция» чувства высокой гражданственности, которое впоследствии станет путеводной звездой выпускников юридических вузов, ведущих научные исследования.

Нельзя сказать, что современное государство не осознает названных проблем. В частности, в Государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования (02.03.2000) в числе ведущих критериев, которым должен соответствовать будущий юрист, первостепенным признается обладание гражданской зрелостью и высокой общественной активностью, профессиональной этикой, правовой и психологической культурой, глубоким уважением к закону и бережным отношением к социальным ценностям правового государства. В части качества научных публикаций интерес государства ограничивается исследованиями, проводимыми на бюджетной основе. Публикации, подготовленные автором по собственной инициативе и за его счет, признаются частным делом. Федеральные органы управления наукой и высшим образованием устанавливают единственный запрет – работы низкого качества, выполненные в порядке частной инициативы, не должны публиковаться в журналах, включенных в Перечень ВАК.

Следовательно, инициативу в решении проблем повышения качества научных исследований может и должна взять на себя научная юридическая общественность страны, не дожидаясь соответствующих директив со стороны государства. Бесспорно и то, что никакое государство не способно разработать современную теорию права и создать действенные методы научного познания.

Это внутреннее дело научного сообщества, требующее должной организации, плодотворной творческой деятельности и создания атмосферы творческого и компетентного обсуждения проблем развития правовой науки и объективной публичной оценки результатов научных исследований.

Процесс системного формирования материалистической теории права не может быть решен посредством догматического толкования цитат из работ основоположников марксизма, поскольку названная теория определена в своих исходных основаниях без раскрытия механизмов функционирования права как социального явления. Кроме того, положения классиков марксизма, основанные на социально-экономических условиях второй половины XIX в., в настоящее время в той или иной части устарели и нуждаются в критическом анализе на предмет их соответствия современным реалиям. Далее, нужно учитывать прогрессивное развитие общества, права и государства в XX в. и в современный период, которое оказало заметное влияние на процессы действия права, в первую очередь, его распределительную функцию согласно Всеобщей декларации прав человека. Одновременно адептам материалистической теории права предстоит вести действенную и постоянную борьбу с разного рода концепциями и доктринами, предпринимающими попытки выдать свой односторонний, субъективный анализ

отдельных правовых явлений и процессов за последнее слово науки, самое совершенное и годное на все времена и народы.

Сообразно поставленным теоретическим задачам должен быть модифицирован диалектико-материалистический метод, разработанный основоположниками марксизма в XIX в. и, подобно материалистической теории права, нуждающийся в учете достижений в сфере гносеологии, методологии и психологии, совершенных в XX в. и в современный период. Конечно, предстоит нелегкая аналитическая работа по выделению подлинных новаций в сфере методологии и гносеологии научного познания от претензионных, но необоснованных вариаций разного рода методологических средств, разработанных с позиции берклианства и иных корифеев субъективного идеализма (например, синергетики, аксиологии, герменевтики).

Первым шагом на долгом и осложненном неувязками и невзгодами пути решения фундаментальных проблем материалистической теории права должно стать создание самостоятельной школы из числа ее адептов, способных к творческому развитию названной теории и иных проблем правовой науки. Вполне очевидно, что коллективное научное творчество в сфере общественных наук не гарантирует более быстрых успехов, нежели деятельность одного, но гениального человека. Достижения К. Маркса и Ф. Энгельса в обществознании и философии до сих пор остаются непревзойденными. Поэтому одной из ведущих задач названной школы предстает ведение широкой пропагандисткой деятельности по разъяснению достоинств материалистической теории права с целью вовлечения в школу личности с гениальными способностями на уровне К. Маркса, одухотворенной желанием завершить формирование основ теории и впервые в истории человечества обеспечить общество и государство знаниями действительного права и путей его воплощения в реальной действительности.

Более сложной видится проблема формирования гражданственности у студентов правоведов. Ориентация ГОС на формирование подобного свойства в период обучения вполне правомерна как идеологический принцип, но не осуществима в условиях рыночных отношений, фактического неравенства членов гражданского общества и нахождения значительной части населения у черты и даже за чертой бедности. Мораль, как право, не может быть выше, чем экономический строй общества. Индивид, отчужденный от общества, постоянно сталкивающийся с самыми различными формами посягательств властных структур и частных собственников на права и свободы граждан, не может уверовать в миф о социальном равенстве, равно как и в свою моральную обязанность личного участия в разрешении социальных конфликтов на началах права и справедливости.

Попытки формировать моральные стандарты у обучающихся выше реально существующей действительности и фактических порядков являются несостоятельными, о чем свидетельствует весь опыт истории советского государства по воспитанию будущих активных строителей социализма и коммунизма. Партия и государство предали забвению ленинский завет о том, что наша пропаганда, наши руководства, наши брошюры будут восприняты народом на деле, если они будут обеспечены последующим улучшением народного хозяйства [5, с. 175]. Они неуклонно и последовательно стремились повысить сознание народа до уровня коммунистического, без существенного улучшения его материального положения.

Каких только мер не придумывали советские идеологи, желая освободить население «от вредных привычек и традиций позорного прошлого» — стахановское движение, социалистическое соревнование, пионерские организации, движение активных строителей коммунизма — все впустую, сознание населения прочно держалось индивидуалистических привычек сообразно уровню его реального, недостаточного высокого материального положения. У индивида, задавленного заботами о том, каким образом свести концы с концами в своем бременном, материальном бытии, нет ни времени, ни желания думать о проблемах духовного и целесообразности восприятия норм коллективистской морали в качестве собственных.

Более сложным предстает современный период, когда остатки коллективистского мышления советских граждан разбиваются о реалии рыночных отношений, где каждый должен в первую очередь думать о своем интересе. В этих условиях всякие попытки переделать индивидуалистическое сознание на коллективистское даже у такой узкой социальной группы, как ученые-юристы, останутся скорее гласом вопиющего в пустыне, нежели действенной мерой современного образования и правовой политики. Призывы к гражданственности в публикациях, не осознанные исследователем в качестве ведущего принципа его собственного индивидуального права, скорее всего, будут выглядеть так же, как и в работах советских правоведов, — фальшивыми и малоубедительными.

Пристатейный библиографический список

1. Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1949.
2. Сталин И. В. Партия и оппозиция // Соч. Т. 10. М. : ОГИЗ : Государственное издательство политической литературы, 1949.
3. Александров А. С. Текст и право // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе. Минск : Академия МВД, 2012.
4. Пайс А. Гении науки. М. : Институт компьютерных исследований, 2002.
5. Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // Полн. собр. соч. Т. 44. М. : Изд-во политической литературы, 1977.

References

1. Vyshinskij A. YA. Voprosy teorii gosudarstva i prava [Theoretical Issues of state and law]. M. : Gos. izd-vo jurid. lit. [State Publishing House of Legal literature], 1949.
2. Stalin I. V. Partiya i oppoziciya // Sochineniya [Party and opposition // Works]. Vol. 10. M. : OGIK; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury [State publishing house of political literature], 1949.
3. Aleksandrov A. S. Tekst i pravo // Klassicheskaya i postklassicheskaya metodologiya razvitiya yuridicheskoy nauki na sovremennom etape [Text and law // Classical and post-classical methodology for the development of legal science at the present stage]. Minsk : Akademiya MVD [Academy of the Ministry of Internal Affairs], 2012.
4. Pajs A. Genii nauki [The geniuses of science]. M. : Institut komp'yuternyh issledovanij [Institute for Computer Research], 2002.
5. Lenin V. I. Novaya ekonomicheskaya politika i zadachi politprosvetov // Polnoe sobranie sochinenij [New economic policy and tasks of political enlightenment